

Кудрявцева Раисия Алексеевна, Беляева Татьяна Николаевна

АРХЕТИП "МАТЬ-ЗЕМЛЯ" В ЛИРИКЕ А. ИВАНОВОЙ (К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ МАРИЙСКОЙ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ)

В статье впервые на материале лирики А. Ивановой рассмотрен один из ключевых архетипических образов современной марийской женской поэзии "мать-земля" в аспекте репрезентации этнического мира и этноидентичности. В работе выявлено его символическое содержание, определена образно-семантическая структура, охарактеризованы способы художественной трансформации традиционных образов-символов, их функции в лирических текстах.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/9-3/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 9(63): в 3-х ч. Ч. 3. С. 27-31. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/9-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

18. Тургенев И. С. Письма (1875) // Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. Письма: в 18-ти т. М.: Наука, 2003. Т. 14. 423 с.
19. Шишмарев В. Ф. Русская литература во Франции // Рукописное наследие В. Ф. Шишмарева. М. – Л.: Наука, 1965. С. 154-200.
20. Combes E. Profils et types de la littérature russe. Paris: Fischbacher, 1896. 415 p.
21. Courrière C. Histoire de la littérature contemporaine en Russie. Paris: Charpentier et Cie, Libraires-Éditeurs, 1875. 442 p.
22. Demarne G. Tableau de la Littérature Russe // La Bibliographie contemporaine: revue bimensuelle de tous les ouvrages nouveaux ou nouvellement réédités. Paris, 1873. 1 Avril.
23. Dupuis E. Les Grands maîtres de la littérature russe au dix-neuvième siècle. Paris: H. Lecène & H. Oudin, Éditeurs, 1885. 363 p.
24. Guénin E. La Russie: Histoire, Géographie, Littérature. Paris: Albert Savine, 1891. 361 p.
25. Léger L. La littérature russe: notices et extraits des principaux auteurs depuis les origines jusqu'à nos jours. Paris: Armand Colin et Cie, 1892. 556 p.
26. Пётров С. Tableau de la littérature russe: depuis son origine jusqu'à nos jours / trad. du russe par A. Romald. Paris: Librairie polytechnique de J. Baudry, 1872. XI+224 p.
27. Sichler L. Histoire de la littérature russe depuis les origines jusqu'à nos jours. Paris: A. Dupret, 1886. 339 p.
28. Smirnoff O. Études et souvenirs // La Nouvelle Revue. Paris, 1885. T. 37. Novembre-Décembre. P. 5-28; P. 468-489.
29. Vogüé E. M. de. Le Roman russe. Paris: E. Plon, Nourrit et Cie, 1886. LV+355 p.
30. Vogüé E. M. de. Les livres russes en France // Revue des Deux Mondes. 1886. T. 78. Décembre, deuxième quinzaine. P. 823-841.
31. Waliszewski K. Littérature russe. Paris: Armand Colin et Cie, 1900. 447 p.
32. Wolkonsky S. Pictures of Russian History and Russian Literature. Boston: Lamson, Wolfe and Company, 1897. XII+283 p.
33. Wyzéwa T. de. Les Russes: notes // La revue indépendante. Genève: Slatkine reprints, 1970. T. II. Numéros 3, 4, 5. Janvier-Mars 1887. P. 65-90.
34. Wyzéwa T. de. Revues russes: Le caractère et l'œuvre de Nicolas Gogol // Revue des Deux Mondes. 1896. T. 134. Mars, première quinzaine. P. 217-227.

**FRENCH RECEPTION OF THE POEM BY N. V. GOGOL "DEAD SOULS"
IN THE PERIOD OF FRENCH-RUSSIAN ALLIANCE: THE END OF THE XIX CENTURY**

Zavgorodnii Aleksei Mikhailovich
Maxim Gorky Literature Institute
almzav@yandex.ru

The article examines the specifics of French perception of the poem by N. V. Gogol "Dead Souls" at the initial stage of rapprochement between France and Russia at the end of the XIX century. The author identifies the key factors stimulating or inhibiting the reception of the poem; the special attention is paid to "Le Roman Russe" by E. M. de Vogüé. The paper presents a survey of French publications of this period dedicated to the Russian literature in general and "Dead Souls" in particular.

Key words and phrases: N. V. Gogol; "Dead Souls"; French-Russian alliance; E. M. de Vogüé; literary criticism; reception.

УДК 821.511.151

В статье впервые на материале лирики А. Ивановой рассмотрен один из ключевых архетипических образов современной марийской женской поэзии «мать-земля» в аспекте репрезентации этнического мира и этноидентичности. В работе выявлено его символическое содержание, определена образно-семантическая структура, охарактеризованы способы художественной трансформации традиционных образов-символов, их функции в лирических текстах.

Ключевые слова и фразы: марийская литература; этноидентичность в литературе; женская поэзия; А. Иванова; архетип; образ-символ.

Кудрявцева Раисия Алексеевна, д. филол. н., профессор
Беляева Татьяна Николаевна, к. филол. н.
Марийский государственный университет
kudsebs@rambler.ru; beljaeva1978@rambler.ru

**АРХЕТИП «МАТЬ-ЗЕМЛЯ» В ЛИРИКЕ А. ИВАНОВОЙ
(К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В СОВРЕМЕННОЙ МАРИЙСКОЙ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ)**

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00043.

При выявлении национально-исторических корней литературных образов и истоков художественной мысли автора большой интерес представляют архетипы – повторяющиеся в словесном искусстве темы, образы, характеры, мотивы, ситуации, сюжеты, персонажи, «идущие из далекого прошлого», «отложившиеся в коллективном бессознательном жизненном опыте исторического прошлого» [2, с. 45] народа. Такие типологические явления, «образы коллективного бессознательного», «первичная ментальная матрица»

(К. Юнг) [10] в литературном творчестве выступают в качестве древнейших символов, лежащих в основе культуры. Причем это могут быть не только общечеловеческие, но и национально-самобытные символы, репрезентирующие этноидентичность.

Цель данной статьи – на примере анализа лирических текстов А. Ивановой выявить «формульные» признаки образа «мать-земля» и пути концептуально-художественного усложнения данного архетипа («процесс включения в устоявшиеся структуры воображения новых интересов и ценностей» [7]) в современной марийской женской поэзии. В таком аспекте как творчество А. Ивановой, так и марийская поэзия в целом рассматриваются впервые.

Архетип «мать-земля», широко представленный в современной марийской женской поэзии в творческом опыте целого ряда авторов (З. Дудиной [4], С. Эсауловой [9], В. Изилияновой [6], С. Григорьевой [3] и др.), как образно-концептуальная прерогатива лирики А. Ивановой был отмечен уже в стихотворениях 1994 года «Моя мать-земля» («Авамландем») и «Пусть Бог бережет наш родимый край...» («Омо аралыже шочмо элнам...»). Он был заявлен в них как основа марийского мира и этнического бытия, как единство таких явлений: языческие Боги, дающие и охраняющие жизнь народа, родная земля (родной край), облагороженная божественной защитой («наша облагороженная Марийская Страна» – «*суапльме Марий Элна*» [5, с. 10]), народ, «сила его славы, как высота неба» («*кава кўкшыт гай чап куатна*» [Там же]), передающаяся из поколения в поколение, вековые традиции – «прямая дорожка, оставленная предками» («*Кугезын кодымо тура йолгорным*» [Там же, с. 11]).

Основой рассматриваемого архетипического образа была заявлена и первозданная, богоданная, вечная, уважаемая народом и очеловеченная природа (*подстрочный перевод здесь и далее наш – Р. К., Т. Б.*):

*Ший энгер йолгымым,
Олык лап йонгыдым
Саклыже волгыдын пўнчō сорта [Там же, с. 10]. /
Сияние серебристой реки,
Просторы лугов
Пусть светло хранит сосновая свеча.*

*Кугезе кодымо тура йолгорным,
Лышташ ўмбач йоген, эр лупс мушкеш [Там же, с. 11]. /
Прямую тропинку, оставленную предками,
Омывает утренняя роса, стекая поверх листьев.*

В лирическом тексте она не просто получает позитивную коннотацию автора, а становится сутью мироощущения и мироощущения лирической героини. Отсюда все понятия, связанные с родной землей, даны в нем исключительно в притяжательной форме; обращает на себя внимание изобразительная и психологическая функция всех природных явлений и движений, запечатленных в тексте (это отличительная особенность всей современной марийской женской лирики):

*Шўмбел мландем: куэр, пасу, тōр олык,
Торашке ўжшō сылне кава тўр.
Шўм-чоньшкем эсенлык пуйто волыш –
Пылпомышын ласкаже – леве йўр [Там же]. /
Близкая моему сердцу земля:
березняк, поле, ровный луг,
Зовущий вдаль красивый край неба.
Как будто сошла в мое сердце благодать –
Ласка неба – теплый дождь.*

Состояние лирической героини, общающейся с матерью-землей, сродни ощущению готовности к полету:

*Шарен кок патыр шулдыр гае кидым,
Мылам мо огыл кызыт чонешташ [Там же]! /
Расправив руки, как два богатырских крыла,
Не мне ли сейчас взлететь!*

Архетип «мать-земля» в лирических текстах А. Ивановой структурирован из ряда ярких образов-символов, среди них: роса (лупс), соловей (шўшпык), священная липа (ото писте), белый огонь (ош тул) и белая свеча (ош сорта) и др. По своей семантике каждый из этих элементов архетипической образной структуры – это, с одной стороны, дань ностальгической памяти об этнических традициях, с другой стороны, источник и повод для художественного моделирования современных и утонченных психологических и медитативных ситуаций. Так, в стихотворении «Я настолько спокойна...» («Шып улам тунар...», 1998) роса и звук падающей росы, слышимый в уникальной тишине ночного леса, вместе с самой картиной лесной тиши и природной гармонии, становятся символом «тихого» (гармоничного, максимально спокойного, что слышен звук падающей росы) и чистого (подобно прозрачной росе) этнического мироздания и природного сознания народа.

Одновременно звуковой образ (звук падающей росы), усиленный автором («И доносящийся звук, запад в сердце, / сотрясает дремучий лес» – «*Да йўксолныш, чоньш возын, / Йынгырта тич йўдым*» [Там же, с. 8]), становится поводом для нового психологического состояния (страх и удивление – «*лўдмō-ōрмō*»), которое возвращает лирическую героиню снова к состоянию покоя и тишины, которые представлены уже

не как душевное единение с природой, а как осознание своих грехов и очищение души и тела, освобождение их от мучающего греха. Для этого нужен «шум», неожиданности, новые ошибки («Ведь от ошибок избавляет ошибка» – «*Вет титак деч коранда титак*» [Там же]). Иногда, как пишет автор, для этого достаточно капельки росы, и тогда «заговорит» в тишине обновленная и чистая душа:

*Южгунамже пырче лупс сита
Мушкылташ чон дене, кап-кыл дене,
Тынеш пурышо лият эрдене,
Йудым суксо вачумбак вола:
– Мо шып лийыч?
– Чон ойла [Там же]. /*
Иногда достаточно капельки росы,
Чтобы отмыть душу, тело,
Утром будешь крещенным,
Ночью ангел спустится на плечо:
– Почему затих?
– Душа говорит.

Отталкиваясь от привычного этнозначимого образа-символа «слышимый в тишине мироздания звук росы» (выражение тишины и гармонии марийского природного мира), А. Иванова развертывает философски направленный диалог с самой собой, своим собеседником (в данном случае – ангелом) и своим читателем.

Такая же художественная перспектива представлена и в стихотворении «Опять жарят соловья в сковородке» («Шушпыкым адат куктат салмаште...»), в котором из традиционного для этнического сознания образа рождается серьезный социально-философский монолог. Ключевым образом-символом в нем становится соловей, по мифологическим представлениям финно-угров, «символизирующий дом и домашнее хозяйство» [8], вылупившийся из одного из трех яиц «на Мировом древе – березе или дубе – посреди земли» [Там же], духом которой была Мать земли («Мланде-ава»). В стихотворении А. Ивановой сохранена бытовая ситуация, соотносимая с домом и домашним хозяйством («жарят в сковородке»), но она, с точки зрения мифологеми, нестандартная, странная (жарят соловья). Автор, отталкиваясь от мифологической символики, во-первых, выстраивает картину современного состояния мира, сознательно уничтожающего один из «голосов» древнего мира и не переживающего из-за его отсутствия («Сегодня в пенье других птиц / Не ощущается чье-либо отсутствие» – «*Таче моло кайык мурьмаште / Уке улмо ок шижалт*» [5, с. 9]). Между тем каждый компонент природного мира (материнской земли) важен и нужен, утверждает автор. Отсутствие или игнорирование одного из них непременно скажется на состоянии марийского мира – он опустошится («*туня пустангие*» [Там же]).

Во-вторых, продолжением традиционного образа следует считать и новую его символику, привнесенную автором: соловей – символ нематериальной (духовной, душевной, творческой) жизни, источник силы и смелости в борьбе с несправедливостями жизни. Их отсутствие («жарка», то есть истязание и убийство соловья) также приводит к опустошению мира:

*Но эрла, эрла – туня пустангие.
Мушкыр темме мондалтеш эрла.
Кап-кыл йодмылан эре кумалие –
Ильиш торсырым, шонет, торла [Там же]? /*
Но завтра, завтра – мир опустошен.
Сытость живота забудется завтра.
Тот, кто молится всегда зову тела,
Думаешь, исправит несправедливости жизни?

А. Иванова утверждает духовное существование и духовную личность, свободную и творческую индивидуальность, необходимую для развития общества, жизни.

Традиционный для марийского этнического сознания образ-символ «священной липы» (для молений в священных рощах марийцы, как правило, выбирали три дубовых или липовых дерева, приносили им умиловительные жертвы; липа – это символ божественной силы и крепости народа, почитающего природных богов) в стихотворении «Болит душа» («Чон коржын», 1998) становится началом размышлений автора о сохранении марийской этнической идентичности. В плане таких размышлений оно продолжает ранее написанное стихотворение «Не могу смеяться!..» («Шыргыжын ом керт!..»).

Первое стихотворение написано как критическое обращение к своим сородичам-марийцам, не сумевшим сохранить священную липу и потому напрасно ищущим счастья без нее и без марийской веры («Толкучестности не хватило сохранить священную липу» – «*Чын-кун ыш сите ото пистым аралаш*» [Там же, с. 13]). К этому критическому слову по принципу ассоциативности присоединяются и другие упреки: научились «жить, глядя в глазницу других» («*Ен шинчарожышко ончен илаш*» [Там же]), а не своим умом; зависть утверждается в поколениях («Горечь изжоги» – «*Мел шелме кочо*» [Там же]); «рога на лбу марийца» («*Марий сангаште ужсын тукымат*» [Там же]), то есть привычка быть обманутым; отсутствие гражданской и житейской смелости («Не хватило толку-духа друга защитить» – «*Чон-кун ыш сите йолташетым аралаш*» [Там же]); потеря «цвета лица» и голоса. Все завершается выводом об исчезновении марийского мира (матери-земли) («Скажи, что нет нашей земли, что теперь уж говорить!» – «*Элна уке ман, мом ынде ойлаш!*» [Там же]).

Во втором стихотворении к критической струе, направленной на свой народ, автор присоединяет свое возмущение средой, окружавшей народ в исторической жизни и окружающей его сегодня, не способствующей сохранению и развитию традиционного менталитета мари и нетерпимой к его древней языческой, в том числе магической, культуре:

*Теве суас шолыштеш марий ватым.
Теве руш поп йӱштӧ ерьш шупшеи.
Сьлне лӱметым, шыма Саликатым
йырнык, ман, сакышт кукио укшеи.
Локтызо, маньыч.
Мерчыше, маньыч,
Сокрыр чорам шинчаикет пижыктен.
Лиe тунам Йыван Петыр Иваныч,
отышкет вольыкым пуртышит поктен [Там же, с. 14]. /
Вот татарин крадет марийку.
Вот русский поп в холодное озеро тащит.
Красивое твое имя, твою ласковую Салику,
назвав гадкой неряхой, повесили на сухую ветвь.
Сказали, что колдун.
Сказали, что хилый,
Прилепив к твоим глазам пленку слепоты.
Стал тогда зваться Иванычем Йыван Петыр,
В твою рошу святую загнали стадо.*

Свои наблюдения над происходившим в истории и современности, над новым поколением автор заключает горькими словами:

*Тиде виешлыме калыкын тукым:
Кул дечын кул, Юмо огыл шочеш [Там же, с. 16]. /
Это поколение изнасилованного народа:
Из рабства раб, а не Бог рождается.*

Всему этому в стихотворении «Болит душа» противопоставлено то, что изначально было свойственно мари и что особенно дорого лирической героине, – это смелость («чолгалыкет»), а не рабская психология («шӱбрга» – петля) и доброжелательность («Ведь был наш доброжелательный нрав, сродни материнскому молоку» – «Вет лийын кумылна ава шӱр гай» [Там же, с. 13]), а не озлобленность («аяр» – злой, опасный, яд).

В стихотворении «Не могу смеяться!..» как напоминание о марийской идентичности возникают образы белого огня и белой свечи, с заострением авторского внимания на слове «белый» (в значении чистый, исконный, настоящий, что закрепилось в мифах как показатель марийского, природно-языческого, мира). Символика свечи в данном стихотворении А. Ивановой, с одной стороны, традиционна (в марийских мифах, фольклоре и литературе свеча обозначает «горение души, чистота, высокая нравственность» [1, с. 149]), с другой стороны, она содержит дополнительный смысл – надежду на возвращение утраченной памяти, исконных духовно-нравственных ценностей, так необходимых народу в новой жизни:

*Пич йӱд окнаште йолгалте мо ош тул
Але чӱкталте ушан – ош сорта [5, с. 14]? /
Блеснул ли белый огонь в окне в дремучей ночи
Или зажглась надежда – белая свеча?*

Итак, на примере анализа лирических текстов А. Ивановой можно заключить, что современная женская поэзия несет в себе мощный заряд этнического мировосприятия и народной педагогики. Она открыто декларирует проблему сохранения этноидентичности. Особенность женского поэтического голоса – в психологически точном и философски выраженном соотношении традиций и современности; лирической героине свойственны «разумная» ностальгия и одновременно «эмоциональная» боль, вызванные риском исчезновения древних культурных и нравственно-этических ценностей и ментальной специфики. А. Иванова ведет постоянный диалог-спор с воображаемым собеседником, который безоговорочно принял новое мироустройство и мировосприятие, которого не тревожит нивелирование традиционных ценностей, который ироничен к «архаичности» (ортодоксальности) поэта. Главным средством создания такого художественного мира становится архетипический образ «мать-земля» с богатой и сложной образно-символической структурой, включающей в себя как обобщенно-концептуальную составляющую (основа марийского мира и этнического бытия), так и конкретные образы-символы (звук падающей росы, соловей, священная липа, белый огонь, белая свеча). Специфика работы с традиционными понятиями и образами этнического мира в марийской женской поэзии заключается в ассоциативности лирического сознания. Образ, символика которого знакома читателю из мифов и фольклорных текстов, рождает цепочку новых образов и смыслов; углубляя, дополняя и расширяя его, автор выстраивает современные психологические ситуации и философские интенции.

Список литературы

1. **Беляева Т. Н.** Поэтика символических образов в марийской драматургии второй половины XX – начала XXI века: монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2012. 152 с.
2. **Борев Ю. Б.** Эстетика. Теория литературы: энциклопедический словарь терминов. М.: Астрель; АСТ, 2003. 575 с.
3. **Григорьева С. Д.** Лишыл ыле тымыкын ласкаже... Почеламут, муру-влак. Йошкар-Ола: Мар. кн. савыктыш, 2004. 160 с.
4. **Дудина З.** Кум томан ойпого: в 3-х т. Йошкар-Ола: «Марий Эл» газета ООО, 2012. Т. 1. Куанышым, куэм ондал. 464 с.
5. **Иванова А. П.** Суксо вачумбак вола: почеламут, поэма-влак. Йошкар-Ола: ООО «Изд. дом "ОТО"», 2009. 472 с.
6. **Изилянова В. М.** Йӱк ото. Йошкар-Ола: Мар. кн. савыктыш, 2005. 128 с.
7. **Кавелти Дж. Г.** Изучение литературных формул [Электронный ресурс]. URL: <http://www.metodolog.ru/00438/00438.html> (дата обращения: 30.07.2016).
8. **Петрухин В. Я.** Мифы финно-угров [Электронный ресурс]. URL: <http://coollib.com/b/182704/read#t216> (дата обращения: 01.08.2016).
9. **Эсаулова С. Н.** Кидшер: почеламут-влак. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 64 с.
10. **Юнг К. Г.** Архетип и символ / сост. и вступ. ст. А. М. Руткевича. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.

THE ARCHETYPE "MOTHER EARTH" IN A. IVANOVA'S LYRICS (ON THE ISSUE OF THE SPECIFICITY OF ETHNIC IDENTITY REPRESENTATION IN THE CONTEMPORARY MARI WOMEN'S POETRY)

Kudryavtseva Raisiya Alekseevna, Doctor in Philology, Professor
Belyaeva Tat'yana Nikolaevna, Ph. D. in Philology
Mari State University
kudsebs@rambler.ru; beljaeva1978@rambler.ru

In the article for the first time by the material of A. Ivanova's lyrics the authors consider one of the key archetypal images of the contemporary Mari women's poetry "Mother Earth" in the aspect of the representation of the ethnic world and ethnoidentity. The paper reveals its symbolic content, determines the image-semantic structure, characterizes the ways of the artistic transformation of the traditional images-symbols, their functions in lyrical texts.

Key words and phrases: the Mari literature; ethnoidentity in literature; women's poetry; A. Ivanova; archetype; image-symbol.

УДК 821.511.151

В статье впервые на материале лирического цикла З. Дудиной «Я в тихую рощу приду» рассмотрены образы-символы в современной марийской женской поэзии, репрезентирующие языческий мир. Охарактеризованы ключевые образы заголовочного комплекса и «лейтмотивы» основного текста, выступающие в функции циклообразующих связей, выявлены их семантика, художественные функции, этническая и гендерная специфика.

Ключевые слова и фразы: марийская литература; женская поэзия; З. Дудина; образы-символы; этногендерная специфика.

Кудрявцева Раисия Алексеевна, д. филол. н., профессор
Беляева Татьяна Николаевна, к. филол. н.
Марийский государственный университет
kudsebs@rambler.ru; beljaeva1978@rambler.ru

СИМВОЛИКА ЯЗЫЧЕСКОГО МИРА В СОВРЕМЕННОЙ МАРИЙСКОЙ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ (НА ПРИМЕРЕ ЛИРИЧЕСКОГО ЦИКЛА З. ДУДИНОЙ «Я В ТИХУЮ РОЩУ ПРИДУ»)

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00043.

Подборка стихотворений современного марийского поэта Зои Дудиной под общим названием «Я в тихую рощу приду» («Мый тымык отышко толам»), вошедшая в первый том собрания ее произведений [3], – это авторский лирический цикл, «сознательно сформированный поэтом лирический ансамбль, в котором стихотворения объединены общностью замысла» [10, с. 5]. Цикл открывается семантически значимым для всей художественной общности стихотворением «Мир марийской веры» («Чимарий тӱня»), название которого расшифровано в лирическом тексте как «земля предков» («кугезе мланде»). В нем не просто воссоздан языческий мир народа мари, поэтически реконструированы его древние представления о мире и человеке, но и передано женское понимание, восприятие, переживание традиционной культуры, традиционных ценностей, хранимых народом и в настоящее время, четко прослеживается женский взгляд на природу этноязыческого мира, его главных составляющих.

Как в любом лирическом цикле, стихотворения в цикле З. Дудиной сопряжены друг с другом общей темой (марийский языческий мир), конкретизируемой в сходной для всех текстов проблематике, а также отмечены жанрово-стилевым единством (молитвенная форма, в большинстве случаев прямо выраженная, «молитвенное слово» – признание постоянного присутствия божественной силы и обращение к ней с благодарностью и просьбой, иногда – с покаянием в грехах; элегическое начало – грустное размышление о жизни).